

УДК 22
ББК 86.37
К83

John Dominic Crossan
HOW TO READ THE BIBLE AND STILL BE A CHRISTIAN:
Struggling with Divine Violence from Genesis Through
Revelation

Перевод с английского *Глеба Ястребова*
Оформление переплета *Петра Петрова*

К83 **Кроссан, Джон Доминик.**

Библия. Ужас и надежда главных тем священной книги / Д.Д. Кроссан ; [пер. с англ. Глеба Ястребова]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Религиозный бестселлер).

ISBN 978-5-699-81605-7

Шокирующие правда и откровенность библейских представлений о Боге приводят в растерянность многих читателей Библии. Как же древняя дикость, вопиющие картины жестокости и насилия в испорченном мире стали величайшей надеждой человечества на счастье и справедливость? Могут ли ужас и надежда главных тем священной книги быть понятны сегодня?

Джон Доминик Кроссан — один из самых знаменитых и авторитетных современных исследователей Библии, яркий представитель новой волны поиска исторического Иисуса — наиболее интересного направления в современной библеистике. Почти за полвека написал более 20 книг. Лауреат многочисленных научных премий.

УДК 22
ББК 86.37

© 2015 by John Dominic
Crossan. All rights reserved.
Printed in the United States of America
© Published by arrangement with HarperOne,
an imprint of HarperCollins Publisher

ISBN 978-5-699-81605-7 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Оглавление

Часть первая Вызов

Глава 1. Концовка: гимн жестокому Богу?	13
«Бич из веревок»	19
«Великое точило гнева Божия».	21
«Что бы с вами ни случилось, не забывайте вытирать свой меч»	27
Учение о двойственном Боге	30
Где мы? И что дальше?	33
Глава 2. Вопрос о центре: «истина — посередине»?	37
Два примера	39
Ритм: как идеи утверждаются и ниспровергаются	46
«Неземной оттенок красного»	51
Норма христианской Библии	55
Где мы? И что дальше?	57

Часть вторая Цивилизация

Глава 3. Совесть	63
«Так же, как он, и я не лягу ль, чтоб не встать во веки веков?»	67
Древо жизни	77
Древо познания добра и зла	80
Где мы? И что дальше?	83

Глава 4. Насилие	86
«Земледелец, чем же он лучше меня?»	87
«Грех таится, но ты будешь господствовать над ним»	91
Библейский «грех» как эскалация насилия	95
«Земля наполнилась злодеяниями»	98
«Не буду больше проклинать землю за человека»	102
Где мы? И что дальше?	104

Часть третья Завет

Глава 5. Творение и Завет	109
«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему»	110
«Чтобы отдохнул вол твой и осел твой»	112
«Завет вечный между Богом и между всякою душою живою»	116
«Это слова великого царя»	120
Где мы? И что дальше?	125
Глава 6. Благословения и проклятья	128
Санкции: проклятья доминируют	129
«Не ставьте себе иного царя, иного господина»	132
Переписать историю или переосмыслить теологию?	135
Где мы? И что дальше?	141
Глава 7. Пророчество и молитва	143
Пророческая идентичность	144
«И я сказал: «Вот я, пошли меня»	144
Пророческая матрица	148
«Так говорит великий царь»	148
Пророческое содержание	151
«Ищите правды, спасайте угнетенного»	151
«Венчает тебя милостью и щедротами»	155

«О, Ассирия, жезл гнева Моего!»	160
«Все основания земли колеблются»	162
Где мы? И что дальше?	164
Глава 8. Мудрость и царство	167
«Она есть дыхание силы Божией»	168
Живительное милосердие или дистрибутивное правосудие?	171
«И разумные будут сиять, как светила на тверди»	175
«Народ святых Всевышнего»	179
«И никто не будет устрашать их»	183
«Где нет видения, люди гибнут»	187
Где мы? И что дальше?	191

Часть четвертая Община

Глава 9. Израиль и вызов Рима	197
«Мы охотнее умрем, чем нарушим законы»	198
«Мы, как ты видишь, безоружны»	202
«Царь иудейский»	205
«Море Галилейское, также называемое морем Тивериадским»	208
«Назовут его сыном Всевышнего»	211
Где мы? И что дальше?	214
Глава 10. Исус и радикальность Бога	216
«И оправдана премудрость чадами ее»	217
«...И больше пророка»	219
«Царство Божие среди вас есть»	225
Где мы? И что дальше?	235
Глава 11. Христос и естественный ход цивилизации	237
«Змии, порождения ехиднины!»	238
«...Кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий»	244
Где мы? И что дальше?	253

Глава 12. Рим и кесарь	255
«Мир на суше и на море»	257
«Императору Цезарю, Сыну Бога, Богу Августу»	261
«Новый взгляд на целый мир»	265
«Золотой век»	269
Где мы? И что дальше?	275
Глава 13. Павел и радикальность Христа	277
«Мы погреблись с Ним крещением в смерть»	279
Патриархальность: «ни мужского пола, ни женского»	282
Рабство: «ни раба, ни свободного»	287
Иерархия: «ни иудея, ни язычника»	291
Победа: «всякая душа да будет покорна высшим властям»	292
Где мы? И что дальше?	296
Глава 14. Павел и естественное состояние империи	297
«Есть нечто неудобовразумительное»	298
«Рабов увещевай повиноваться своим господам»	300
«Учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем»	304
Что это за обстоятельства?	309
«Запрещающие вступать в брак и употреблять пищу»	310
«Женщины могут учить и крестить»	312
Где мы? И что дальше?	315
Эпилог. Воспарить над тенью нашей ночи.	317
Матрица	318
Метафора	320
Смысл	328
Указатель источников	332

Посвящается Анне и Алану Перри

Часть первая

ВЫЗОВ

Глава 1

Концовка: гимн жестокому Богу?

Мы сами сочиняли небылицы
И соблазняли слабые сердца.
Но как мы так могли ожесточиться,
Начав с любви?...

(Уильям Батлер Йейтс, «Гнездо
скворца под моим окном», 1922)*

Название оригинального издания книги (*How to Read the Bible and Still Be a Christian*, «Как читать Библию — и остаться христианином») подразумевает, что нелегко читать Библию честно — и сохранить верность христианству. Но как, когда и где я заметил эту проблему, влияет на то, как, когда и где я впервые увидел решение. Начну с автобиографических деталей, чтобы читатель лучше разобрался, почему я далее пишу те или иные вещи.

Взять хотя бы имя на обложке. «Джон Кроссан» — так я именуюсь в водительских правах, паспорте и протоколах экспресс-проверки в аэропорту. Однако в

* Цит. по пер. Г. Кружкова.

1950 году, когда мне было лет шестнадцать, я был принят в католический монастырь XIII века и стал «братом Домиником». Предполагалось, что жизнь начинается с чистого листа. Таков подтекст нового имени и в библейской, и в монашеской традиции.

Через девятнадцать лет я понял, что радости целибата перехвалили, и оставил и монастырь, и священство, чтобы жениться. Но даже если бы правила были иными и священникам разрешали заключать браки, я бы все равно ушел за штат в 1969 году.

Почему?

В свое время монашеские наставники решили, что моим пяти годам греческих и латинских штудий в ирландском интернате нечего пропадать втуне, а потому после рукоположения (это было в 1957 году) надо преподавать библеистику. Собственно, моего мнения и не спрашивали. Обет послушания! Но признаться, я только сказал спасибо.

В католической традиции полагалось (не без оснований), что сначала надо получить степень в области теологии, и уже затем — степень в области библеистики. Поэтому меня сначала послали в Ирландию защитить докторскую диссертацию по теологии, потом на два года в Папский библейский институт в Риме, и наконец, еще на два года во Французскую библейскую и археологическую школу в Иерусалиме. Скажем откровенно: образование превосходное.

Получается, я был христианином еще до занятий наукой, и теологом — до занятий историей. Все это, вместе взятое, окрашивает мое понимание Библии, причем я могу менять ракурс в зависимости от ситуа-

ции и аудитории. Но я никогда не считал, что само наличие этих разных подходов тревожно или неприятно, поскольку уже давно решил для себя: разум и откровение, или история и теология, или наука и вера — как ни назови — не могут противоречить друг другу, если мы чего-то не напутали.

Сам не знаю, почему я столь благодушно настроен. Но так сложилось с самого начала. На занятиях по теологии мы глубоко вникали в «Сумму теологии» святого Фомы Аквинского (еще один подарок из XIII века, помимо имени «Доминик»!) С помощью Аквината преподаватели хотели научить нас, что надо думать. Однако мне интереснее было учиться иному: как думать. Если святой Фома утром читал язычника Аристотеля, а днем писал трактаты по христианской теологии, не отравляя себе обед и сиесту никаким конфликтом между разумом и откровением, то разум и откровение (и прочие подобные пары) не находятся в конфликте. Во всяком случае, к такому выводу я пришел раз и навсегда.

Мой отход от монастыря и священства не имел ни малейшего отношения к истории и Библии. Дело было в теологии и римском папе. Осенью 1968 года я высказал мнение на телеканале PBS, что энциклика *Humanae Vitae* неправильно трактует тему контроля за рождаемостью. За это мне влетело от кардинала-архиепископа Чикаго. А когда через полгода все успокоилось, кардинал Коуди все еще был архиепископом, но отец Доминик уже не был ни монахом, ни священником.

Когда осенью 1969 года я перебрался из семинарии в университет, в центре моих научных интересов уже

был исторический Иисус, настоящий и живой еврей I века, которого некоторые его современники считали Мессией/Христом и Сыном Божиим, а некоторые распяли как мятежника (римская власть усмотрела у него притязание на титул «царь Иудейский»). Эти мои интересы восходят к сентябрю 1960 года, когда меня сделали капелланом при группе американских католиков, совершавших паломничество по Европе. Мы побывали в Капель-Гандольфо (где Иоанн XXIII), Фатиму и Лурд (где Дева Мария), Лизье (где святая Тереза) и Монако (где благодать — как думали; кроме шуток!) Поскольку на дворе стоял 1960 год, мы день провели в Обергаммергау у подножия Баварских Альп, где каждые десять лет играется спектакль «Страсти Христовы».

В 1634 году жители этой деревни впервые исполнили обет: в благодарность за избавление от чумы весь день играть спектакль, посвященный Страстям. Действо повторялось затем каждое десятилетие. А со мной что-то случилось, когда я впервые увидел в виде *драмы* сюжет, знакомый мне в виде *текста*. Появились новые вопросы. Почему толпа радовалась Иисусу утром Вербного воскресенья, а в Страстную пятницу *она же* стала требовать его распятия? Чего-то, думал я, здесь недостает. Между радостью и осуждением не хватает связующего элемента.

В 1960 году я видел ту же пьесу, которую Адольф Гитлер смотрел в 1930 и (юбилейном) 1934 году: перед тем и после того, как стал рейхсканцлером Германии. Вот его отзыв: «Еврейская угроза никогда не была изображена так убедительно, как здесь, в описании случив-

шегося во времена римлян. В Понтии Пилате виден римлянин, который в расовом и интеллектуальном смысле настолько велик, что представляет собой твердую и чистую скалу среди грязи и болота еврейства».

Мой глубокий интерес к истории жизни Иисуса возник именно в тот день в Обергаммергау. Однако в данном случае занятия историей переплелись с богословием, и я никогда не мог реконструировать исторического Иисуса с тем же беспристрастием, с каким взялся бы, скажем, за Александра Македонского. Между тем лишь добротное, честное и точное историческое исследование может спасти христианскую веру от богословского антииудаизма, который поныне подпитывает расовый антисемитизм. Вот почему после возвращения в Чикаго в 1961 году я вместе с рабби Шаалманом поучаствовал в воскресной утренней телепередаче под названием (если память не изменяет) «Богоубийство или геноцид?» А моя первая научная статья называлась «Антисемитизм и Евангелия».*

Начиная с книги «Притчи: вызов исторического Иисуса» (1973) и в ходе последующих двадцати лет преподавания в Университете Де Поля (Чикаго) этот подзаголовок оставался в центре моих научных исследований и профессиональной жизни. Я делал упор на историю, а не на богословие, а вопросы личной веры выносил за скобки как неуместные в научном дискурсе. Однако сам всегда понимал, что эти вопросы существуют. И все начало меняться в 1991 году.

* D. Crossan, "Anti-Semitism and the Gospel," *Theological Studies* 26 (1965), pp. 189–214.

В тот год я опубликовал большое исследование по Иисусу, которое понемножку готовил два десятка лет. Называлось оно «Исторический Иисус: жизнь средиземноморского еврейского крестьянина». Я хотел увлечь коллег новым подходом к источникам и методологии. Этого не случилось, а случилось нечто иное и, в итоге, более важное.

23 декабря 1991 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала рождественскую передовицу Питера Стейнфелса под названием «Взглянуть за пределы веры на исторического Иисуса». Она была посвящена двум книгам об историческом Иисусе, которые увидели свет той осенью: моей и Джона Мейера («Маргинальный иудей»). Стейнфелс отмечал, что обе написаны католиками, некогда учившимися в Папском библейском институте в Риме, но Мейер так и остался священником, а я нет. Его статью перепечатали многие газеты и в США, и за рубежом.

Дальнейшее стало для меня полной неожиданностью. Казалось бы, меня будут приглашать для выступлений семинарии и университеты. Вместо этого на меня посыпались приглашения от *церквей*! Скажем, за два выходных дня прочесть три или четыре лекции, а на воскресной службе — проповедь. Исторический Иисус явно становился темой не только исторических и богословских исследований, но и христианской веры и церковной жизни.

Конечно, выступать в церкви и на научной конференции — разные вещи. Я везде говорил примерно одно и то же, но после лекций в церкви мне задавали много вопросов по богословию и интересовались